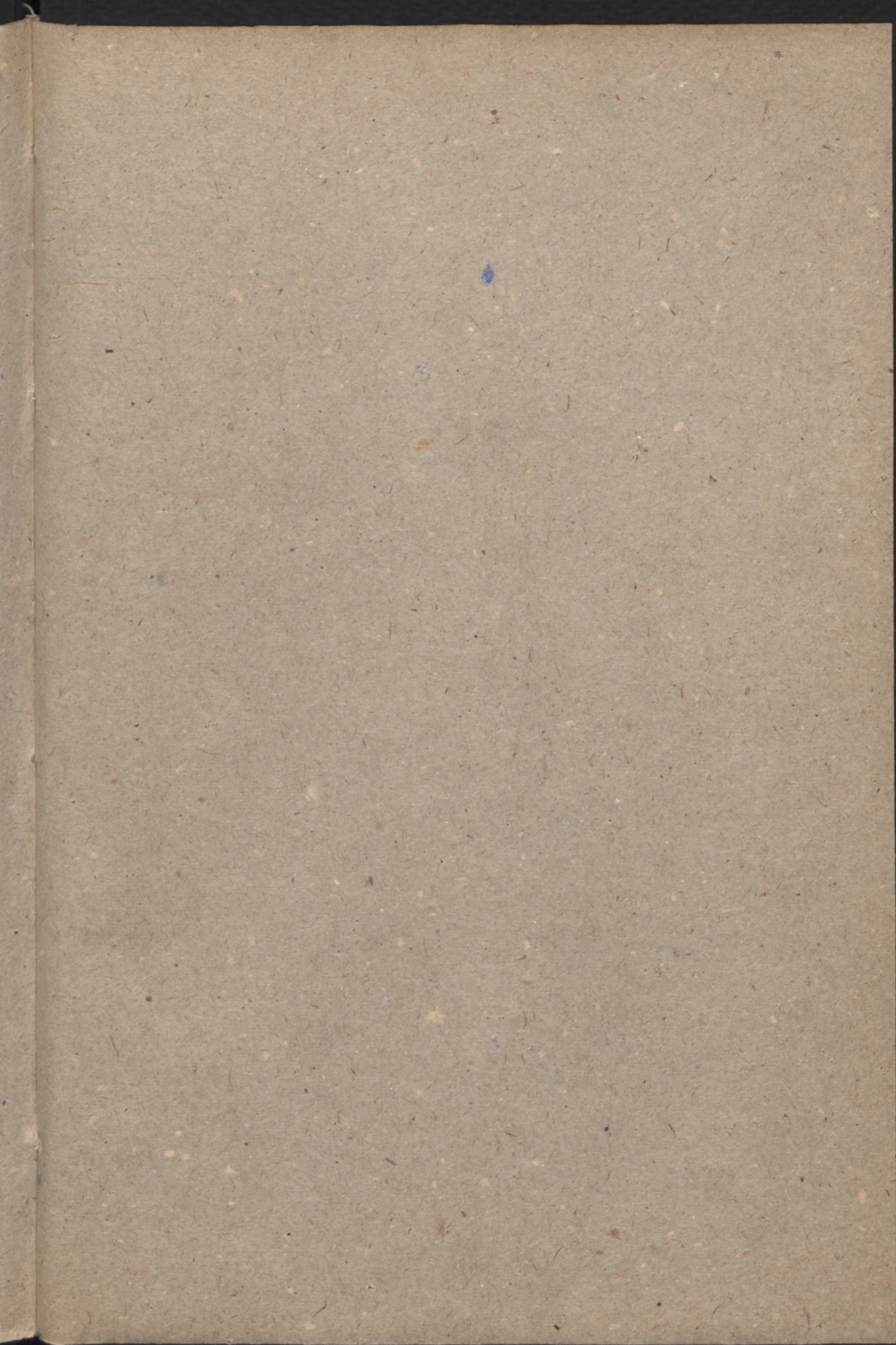

8831.
B. P. im. L.

ПАТРИСТИЧЕСКІЯ ПѢСНИ

ОБЪ ОТРАВЛЕНІИ

ЗМѢИНЫМЪ ЯДОМЪ.

№. 8831.

Н. Ф. СУМЦОВА.

Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина“.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., д. № 4.
1894.

1000086596

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ

ОБЪ ОТРАВЛЕНИИ

ЗМѢИНЫМЪ ЯДОМЪ

3078082

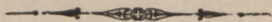
176483

Н. Ф. СУМЦОВА.

Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина“.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., д. № 4.

1894.

398:82 (091)

Дозволено Цензурою Кієвъ 14 Декабря 1893 г.

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ ОБЪ ОТРАВЛЕНІИ ЗМѢИНЫМЪ ЯДОМЪ.

Содержаніе.

Предисловіе.—Варианты малорусскіе, великорусскіе, бѣлорусскіе, польскіе, чехо-моравскіе, сербскіе, болгарскіе, литовско-латынскіе, мадырскіе, албанскій, румынскій, нѣмецкіе, англійскіе и итальянскіе.—Обзоръ мотивовъ.—Предположеніе о происхожденіи нѣкоторыхъ галицко-русскихъ и малорусскихъ вариантовъ.—Предположеніе о происхожденіи всего цикла пѣсенъ.

Въ устной словесности западно-европейскихъ и славянскихъ народовъ существуетъ обширный циклъ пѣсенъ о сестрѣ отравительницѣ. Эти пѣсни и являются предметомъ настоящаго нашего изслѣдованія. Мы дали имъ другое оглавленіе на слѣдующемъ основаніи: отравленіе змѣинымъ ядомъ составляетъ самую характерную черту этихъ пѣсенъ. Сестра отравительница выступаетъ въ большинствѣ вариантовъ славянскихъ; но въ западно-европейскихъ и, главное, въ старинныхъ итальянскихъ вариантахъ отравительницей является дѣвушка или вдова, а жертвой ея—невѣрный любовникъ. Такимъ образомъ, терминъ „сестра отравительница“ не обнимаетъ всего цикла пѣсенъ. Въ виду большого количества малорусскихъ вариантовъ—мы настоящее изслѣдованіе начнемъ съ ихъ разсмотрѣнія и на нихъ преимущественно сосредоточимъ наше вниманіе. Несомнѣнно, что въ народѣ циркулируетъ много незаписанныхъ еще пѣсенъ этого разряда; затѣмъ, мы должны оговориться, что изъ записанныхъ, вѣроятно, многія ускользнули отъ нашего вниманія; при всемъ томъ, многочисленность и сходство изданныхъ вариантовъ даютъ намъ поводъ предполагать о сходствѣ неизданныхъ и открывать возможность приступать къ научному ихъ обзору, систематизаціи и, если не къ рѣшенію, то, по крайней мѣрѣ, къ

постановкѣ вопросовъ объ ихъ происхожденіи и путяхъ распространенія.

№ 1—2. Дѣѣ пѣсни изъ Литинскаго уѣзда Подольской губ.:

Ой у поли кириченька,
Тамъ дивчина воду брала
Съ козаченькомъ розмовляла..

Она предлагаетъ козаку посватать ее; козакъ предлагаетъ ей отравить сначала брата. Дѣвушка говоритъ, что мать не научила ее чаровать. Козакъ тогда говоритъ:

Ой у лиси на ялини	Пидставъ дивча коновочку
Ой тамъ высьть три гадъни;	Пидъ гадячу головочку,
На гадьну сонце пече	Якъ прыйде братъ зъ дороги,
А зъ гадьны рона тече.	То ты чары приготовышь..

Дѣвушка предлагаетъ брату „цѣго пыва“; братъ хочетъ, чтобы она сначала выпила; но она говоритъ, что уже пила.

Якъ братъ пыва да и напывся,
По коньку покотывся,
По коньку вороному,
По сидельци золотому.

Дѣвушка возобновляетъ свое предложеніе о сватовствѣ и получаетъ отказъ: счарувала брата, говоритъ козакъ, счаруешь и меня (*Чубин. V. стр. 432, 433*).

№ 3. Въ вариантѣ изъ Балтскаго уѣзда начало: „Ой у поли дви тополи.“ Армяне (вармяне) подговариваютъ дѣвшку уйти съ ними. Дѣвушка боится брата и, по совѣту армянъ, отравляетъ его. Змѣя одна, виситъ на калинѣ; „болитъ їи головочка“; армяне отказались взять отравительницу, — „ни брата, ни вермана.“ Вышла она за жебрака, носила за нимъ торбу и часто получала отъ него удары „въ морду“ (*Чуб. V. 433*).

№№ 4—6. Въ трехъ вариантахъ изъ галицкаго Покутья, почти тождественныхъ съ №№ 1—2, въ концѣ пѣсни соблазнитель названъ „сербиномъ“; отравительница выходитъ замужъ за нищаго и также получаетъ отъ него удары „въ морду“ (*Kolberg, Pokucie II. 44—46*).

№ 7. Въ вар. изъ стрійскаго округа (въ Галиціи) сербъ выступаетъ уже въ самомъ началѣ пѣсни:

Ходить Сербинъ по нздъ рѣку,
 За нѣмъ бѣжитъ дѣвка въ вѣну.
 „Ой сербине, сербиночку,
 Возьми меня дѣвиночку.

Сербинъ говоритъ, что боится ея брата. Дѣвушка предлагаетъ отравить брата и при этомъ сама объясняетъ, что ядъ достанетъ изъ змѣиной головы. По возвращеніи брата съ охоты, сестра подноситъ ему отраву въ черномъ пивѣ. Пѣсня оканчивается отказомъ серба жениться на отравительницѣ брата (Голов. I 207),

№ 8. Близкій варіантъ изъ Липовецкаго у. Кіев. губ. „Ой Свербыно, Свербыночку“ изданъ въ *Zbiór wiadomości* т. VIII 169.

№ 9. Въ галицко-рус. варіантѣ первый стихъ оригиналенъ: „Сѣдятъ ткачи на варштатѣ, звѣдуются о своемъ братѣ.“ Воевода проситъ у дѣвушки вѣнокъ (символь цѣломудрія). Опасаясь противодѣйствія со стороны старшаго брата, дѣвушка отравляетъ его. Въ этомъ вар. подробно описано приготовленіе яда; по совѣту воеводы:

Идъ до саду вишневаго,
 Ламай гинча зеленого,
 Частуй брата при сѣдѣ;
 Готуй же го подъ пецками,
 Уварь же го въ зимней водѣ,
 Намочь же го до скляници.
 Та го вынесь до свѣтлицы.

Пѣсня оканчивается такъ: братъ отравленъ, а сестра отравительница закована въ цѣпи и осуждена на висѣлицу (Голов. I 207—208).

№ 10. Въ близкомъ галицкомъ вар. дѣвушка отравляетъ брата по совѣту „чуждоземца.“ Отравой служитъ зѣлье. По смерти брата сестра раскаивается и проситъ сжечь ее, пепелъ развѣять по полю; „ний зъ мя росте бѣлый квѣтъ, ний то знае цилый свѣтъ“—такъ кончается этотъ варіантъ (Голов. I 208).

№ 11. Въ вар. изъ Галиціи начало: „Ой ты зъ за горы, а я зъ-за другой.“ Здѣсь развитъ способъ приготовленія яда изъ гада рябенькаго и ящерицы. Особенностью представляется еще то, что у брата послѣ первой ложки „одно личко слѣзло“,

послѣ второй—другое лицо, а послѣ третьей „дѣла тварь об-
лѣзла“ (Голов. I 209).

№ 12. Малор. вар. (изъ Залеванщины), изд. въ сборникѣ
г. Поповскаго въ „*Zbiór wiadomości*“ VIII стр. 8, представля-
етъ повтореніе вар. № 1—2, 7 и 8. Начало: „Ой Сердене,
Серденочку, сватай мене дивчиночку“. Сердене, очевидно,
народно-этимологическое толкованіе слово „сербинь“. Пѣсня
оканчивается, какъ №№ 3, 4, 5, 6.

№№ 13—14. Два варіанта изъ Угорской Руси говорятъ
вообще объ отравленіи молодца дѣвицей за невѣрность, они
близки извѣстной малор. пѣснѣ „Ой не ходы, Грицю“. Брата
нѣтъ. Способъ приготовленія ядовитаго зелья изъ кореньевъ
напоминаетъ великорусскія пѣсни (Де-Волланъ, Угро-рус. нар.
пѣс. 40—41).

№ 15. Въ вар. изъ Ушицкаго у. дивчина Настя отравля-
етъ парубка перепелкой на маслѣ и смѣется надъ нимъ во
время его мученій (Чубин. V 434).

№ 16. Въ одномъ вар. (безъ обозначенія мѣста) начало:
„Жене Василь воли съ поля, въ сопилочку грае...“ Дѣвушка
у криницы приглашаетъ Василя къ себѣ; ея мать даетъ ему
сначала пирогъ съ палфеємъ и мятой, чтобы вызвать любовь;
потомъ пирогъ со змѣей. Василь пришелъ домой и просить у
матери совѣта (Чуб. V 434).

№№ 17—19. Къ этому варіанту близко стоятъ три галицкихъ,
изъ Покутья. Отравительницей является въ двухъ Парася, въ од-
номъ Одокія; жертва во всѣхъ трехъ вар. названа Иваномъ.
Начало 1-го „Иванъ коне наповайе, а въ сопивку грае“, во
2-мъ также упоминается сопилка. Отрава поднесена въ пирогѣ
и въ яблокахъ. Дана отрава дѣвушкѣ ея матерью (Kolberg, Pokucie
II, 42—44).

№ 20. Буковинскій вар. у Купчанка 141 очень близокъ
къ помѣщеннымъ у Кольберга изъ Покутья. Соблазнитель—
Иванъ, отравительница—Парася. Отрава упоминается мимохо-
домъ. При смерти Ивана присутствуютъ односельчане.

№ 21. Въ вар. изъ Харьковской губ. „Ой дивчино черно-
брыва“ дѣвушка накопила въ лѣсу ядовитаго коренья, вымыла

его въ Дунаѣ, положила въ стаканъ меду и отравила своего брата. Она спрашиваетъ, какъ онъ чувствуетъ у себя на сердцѣ. Козакъ отвѣчаетъ, что у него на сердцѣ „черни камушки лежать“ (Чуб. № 435)—пѣсня краткая и испорченная.

№ 22. Въ другомъ вар. Харьковской губ. („ой, сонъ, маты, ой, сонъ, маты, головоньку клонить“) дѣвушка кладетъ отраву въ пирогъ. Она говоритъ, что отравы тогда пройдетъ, когда въ полѣ при дорогѣ разовьется сухой дубъ (Чуб. V 436).

№ 23. Въ третьемъ вар. изъ Харьковской губ. „Маты сына научала“ не ходить на вечерницы. Дѣвушка его напоила отравленнымъ медомъ. Парубокъ идетъ домой и проситъ мать послать за ворожкой. Пѣсня оканчивается сожалѣніемъ парубка, что ему болѣе нельзя ходить на улицу (Чуб. № 436).

№ 24. Въ вар. изъ Полтавской губ. („Ой дивчино, дивчинонько“), мужчина проситъ дѣвушку полюбить его и, чтобы братъ не побилъ ее, отравить его. Далѣе слѣдуетъ совѣтъ достать ядъ изъ змѣи—почти дословное повтореніе вар. № 1—2. Отравы положена въ пиво. Отравительница выходитъ замужъ за нищаго и получаетъ отъ него побой (Чуб. V 915).

№ 25. Весьма замѣчательнъ слѣдующій галицко-русскій варіантъ, по близости къ западно-европейскимъ. Это соединительное звено между восточно-малорусскими и западно-европейскими пѣснями о сестрѣ отравительницѣ:

Сынѣу Васильку, жалости мой!
Ой цы ходывъ ты до вдовы на вечерницы,
Ходывъ я, ненько, щире серденько,
До той чаровницы.

Мать спрашиваетъ, что вдова варила? Сынъ отвѣчаетъ, что варила рыбку зъ лабочками (?). Мать спрашиваетъ, гдѣ она ее поймала? О.—Въ огородѣ въ лободѣ. Вопросъ: Гдѣ она ее вправляла? О.—Ожогомъ подъ порогомъ. Вопросъ: Цы вдова ея ила? О.—Не ѣла, говорила, что у нея голова болитъ. Вопросъ: Ыли дѣти ея? О.—Не ѣли, бо спатоньки хотѣли. Этими словами и оканчивается пѣсня. Смыслъ ея ясный—отравленіе парубка. (Голов. II 584). Въ этомъ варіантѣ заслуживаетъ особеннаго вниманія его діалогическая форма.

Отъ объемистаго ствола пѣсенъ о сестрѣ отравительницѣ пошло нѣсколько могучихъ вѣтвей. Первой такой вѣтвью представляются пѣсни объ отравленіи дѣвицей невѣрнаго любовника на мотивъ весьма популярной пѣсни „Ой не ходы, Грыцю, на вечерницы“. Пѣсни этого рода встрѣчаются почти во всѣхъ сборникахъ малорусскихъ пѣсенъ. Извѣстны онѣ и въ Бѣлоруссіи (*Шейнъ*, стр. 235). Второй вѣтвью, повидимому, являются тѣ также весьма многочисленныя пѣсни, въ которыхъ отравленіе молодца дѣвушкой является не какъ фактъ, а какъ уподобленіе, сравненіе, на примѣръ---слѣдующая угорско-русская пѣсня;

На дворѣ хмарно и вѣтеръ вѣе,
Самъ я не знаю, что ми ся дѣе,
Дѣвчина любила, серденько явила,
И приваду дала, та и зачаровала.
„Ей такъ бы ты зналъ изъ сѣни до хати,
Якъ я тебе знала да чимъ чаровати;
У мене чароньки черныи бровеньки
И приваду доньки румяныи личоньки“.
О якъ болить, кедь укусить
Люта гадинонька;
Еще лучше, кедь счаруетъ
Люба дѣвчинонька.
Кедь укусить гадинонька,
Найдешъ зеля лѣки;
Кедь счаруетъ дѣвчинонька—
Пропалъ есь на вѣки (*Де-Волланъ*, 42).

№ 26. Въ Великоороссіи пѣсня о сестрѣ отравительницѣ хорошо извѣстна.

Стругалъ стружки добрый молодець,
Брала стружки красна дѣвица,
Бражни стружки на огонь клала
Все згѣй пекла, згѣле дѣлала.
Сестра брата извѣсть дучала,
Выходила посередъ двора,
Наливала чашу прежде времени,
Подносила брату милому.
Ты пей, сестра, напередъ меня.
„Пила, братецъ, наливаючи.
Тебя, братецъ, поздравляючи.

Капула капля коню на гриву
У коня грива загорѣлася...

Братъ срубилъ сестрѣ голову.

И онъ сжегъ ея тѣло бѣлое
Чго до самаго до пепла;
Онъ развѣялъ пухъ (sic!) по чисту полю,
Заказалъ всѣмъ тужить и плакать (*Сахаровъ, Сказанія*
рус. нар. III^е 202).

Этотъ вариантъ, самый грубый и жестокий изъ извѣстныхъ мнѣ вариантовъ, записанъ до 1841 г., года изданія Сказаній Р. Н. Подобная суровость могла существовать и въ инородныхъ вариантахъ; въ италіанскомъ братъ грозитъ убить.

№ 27. Своеобразная версія у Сахарова ib. стр. 206: Дѣвушка копаеъ ядовитые корни и отравляетъ милаго дружка (не брата). Умиравшій проситъ похоронить его на распутиѣ, посадить въ головахъ дерево и т. д.

№ 28—29. Два близкихъ великорусскихъ варианта въ сборникѣ П. В. Шенна 327 № 56 и 57. Что пѣсни эти представляютъ великорусскую передѣлку пѣсенъ о сестрѣ отравительницѣ, видно изъ 57 № сб. Шенна „Разнегодная дѣвчонка“ по дугу гулила, накопила ядовитыхъ кореньевъ, наварила и поднесла ихъ „братцу родному“. Къ вечеру братъ „поразохался“, и въ полночь „попа спросилъ“, а къ бѣлу свѣту умеръ. завѣщавъ похоронить его межъ трехъ дорогъ (петербургской, московской и тверской“. Проѣзжающіе Богу молятся (за брата) и проклинаятъ сестру. Варианты Шенна записаны № 56 въ Рязанской, № 57 въ Тверской губ.

№ 30. Въ Терской области записанъ великорусскій вариантъ „Свѣтила звѣзда, она передъ мѣсяцемъ“. Дѣвица поднесла молодцу сткляницу вина съ отравой. Молодецъ проситъ дѣвицу выпить, получаетъ отказъ; онъ вылилъ вино на землю:

Мать сырая-то земля, она загоралася,
А люгад змѣя, она взвивалася,
А красная-то дѣвица, она испугалася,
И доброму то молодцу на шеюшку бросалася.

Этими словами и заканчивается вся пѣсня (*Сборн. матер. для изуч. Кавказа VII 83*)¹⁾.

¹⁾ Въ сборникѣ „Древнихъ Россійскихъ стихотвореній“ Кирши Данилова, составленномъ, вѣроятно, въ началѣ XVIII ст., а впервые изданномъ въ 1804 г.,

№№ 31—32. Бѣлорусскіе варианты въ сборникахъ *Шенна* стр. 234, № 409 и *Романова* I, 48 представляютъ почти буквальное повтореніе великорусскихъ Сахарова (безъ убійства отравительницы) и Шенна (подъ № 57). Въ обоихъ бѣлорусскихъ вариантахъ сестрѣ не удастся отравить брата: онъ выливаетъ вино на гриву коня, грива загорается и братъ бранить сестру.

№ 33. У поляковъ циркулируетъ много пѣсень о сестрѣ-отравительницѣ, и значительная часть ихъ вошла въ I т. *Lud Kolbera* (стр. 115). Въ однихъ пѣсняхъ отравительницей является краковянка (Kraکowianka, otròj brata etc.), въ другихъ подолянка. Приведемъ здѣсь вариантъ изъ Прасныша, написаннаго *Хельховскимъ* въ Вислѣ 1888 II 139. „Na Podoli biały kamniem“; на камнѣ сидитъ подолянка; къ ней подходитъ подо-

находится любопытный великорус. вариантъ пѣсни о сестрѣ-отравительницѣ, причемъ вмѣсто змѣйнаго ада отравя готовится изъ кореньевъ. Въ этомъ вар. все вниманіе пѣвца сосредоточено на приготовленіи отравы. Пѣсня краткая

Кабы по горамъ, горамъ, высокимъ горамъ,
Кабы по доламъ, доламъ, по широкимъ доламъ,
А и покрай было моѣ синяго,
И по тѣмъ хорошимъ зеленымъ лугамъ.
Тутъ ходила, гуляла душа красна дѣвица.
А копала она коренья, зѣлье лютое.
Она мыла тѣ коренья въ синемъ морѣ,
А сушила коренья въ муравленой печи,
Растирала тѣ коренья въ серебряномъ кубцѣ,
Разюдила тѣ коренья меды сладкими,
Разсычала коренья бѣлымъ сахаромъ —
И хотѣла извести своего недруга;
Не значае извела своего друга милаго
Она по роду брата родимаго.
И расплатится дѣвица надъ молодымъ,
Она плачетъ, дѣвица, убиваючи,
Она жалобно, дѣвица, причитаючи:
„Занапрасно головушка погибнула“.

Пѣсня эта — искаженіе пѣсень о сестрѣ-отравительницѣ. Ошибка встречается въ болгарскомъ вар.; но ошибка какъ разъ обратная: сестра вмѣсто брата отравила любовника. Вариантъ Кирши Данилова представляетъ интересъ въ томъ отношеніи, что указываетъ на распространеніе пѣсень о сестрѣ отравительницѣ въ Великороссіи въ началѣ XVIII в.

лянецъ и просить у ней вѣнокъ. „Я дала бы, да боюсь брата, говорить она. Отрави брата, совѣтуетъ подоланецъ. Подоланка говоритъ, что не знаетъ чѣмъ. „Отыщи змѣйныхъ листьевъ, свари ихъ и напой брата“. Братъ возвратился съ похода, привезъ сестрѣ подарки (sukieneski). Сестра потчиваетъ его отравленнымъ виномъ. Братъ падаетъ съ коня и просить сестру позаботиться о его дѣтяхъ. Колоколъ звонитъ о смерти брата, а сестру ведутъ въ тюрьму. Пѣсня оканчивается раскаяніемъ отравительницы. Любопытно, что конецъ этого польскаго ка-ріанта совпадаетъ съ началомъ галицко русской пѣсни, отмѣченной выше подъ № 9.

Siedzo siewcy na warstacie
Spivajo pieśń o jy bracie,
Okujciez me w biały k mnicń,
Niech nie slyse pieśni o niem.

№№ 34—35. Съ этимъ варіантомъ почти дословно сходны два польскихъ вар. въ сб. *Kozłowskiego, Lud (pieśni, podania etc. z Mazowsza Czerskiego)* стр. 52—53. Начало тожественное „Na podolu bioły kamień“. Подоланку къ отравѣ склоняетъ подоланецъ. Послѣднихъ 4 строкъ (Siedzo...) нѣтъ. Эти варіанты оканчиваются просьбой брата, обращенной къ сестрѣ отравительницѣ, позаботиться о его дѣтяхъ. Отрава обычная—змѣя. Въ одномъ изъ варіантовъ братъ названъ Ясей. Козловскій въ примѣчаніи говоритъ, что такого рода пѣсни распространены у поляковъ, чеховъ и венгерскихъ словаковъ. Указаны польскіе вар. у Кольберга, Войццкаго, Конопки и Жег. Паули.

№ 36. Чехамъ и моравцамъ пѣсня о сестрѣ-отравительницѣ хорошо извѣстна (сборники *Кукулевича, Эрбена, Сушила*). Моравскіе варіанты отличаются полнотой; въ нихъ какъ-бы сведены мотивы пѣсни. Таковъ, напр., слѣдующій варіантъ, который приводимъ вполнѣ:

Ulianka čista panna
U Dunaja šaty prala.
Dojeli tam tři husaři,
Př d' Uliško pojed' s nami.
Ja bych s wami řaději,
Dybych tu bratra neměla.
Bratra můžeš otrávit,

Můžeš s nimi předca j ti.
Jak bych ja ho otráвила?
Temu sem se neučila.
Bež do lesa dového,
Najdeš hada jedového.
Uvař mu hovědaničku,
Jak rybičku s černou mačkou.

Už Janiček z hory jede,
 Malované dřevo veze.
 Hned mu vrata otvírala
 Vrane koně vyrahala.
 Ulianko, co n' veho,
 Ze vypřahaš kona meho?
 Pod' Janičku k snidaničku,
 Maš přichystanu rybičku.
 A co suto za rybčky
 Dyt' nema žádná hlavičku.
 Hlavičky sem urubala
 Pod okenko z'kopala.
 Jak ten první kus k zedl
 Hned na leve líčko zbledl.
 Jak ten druhý kuzek zedl
 Hned na obě líčka zbledl.
 Jak ten třetí kusek zedl,
 Hned nacele tělo zbledl.
 Bež Uliško pro pivečko
 Ať si ovlažim srdečko.
 Donesla mu lužovice:

Pij, Janičku, pij velice.
 Bež, Uliško, pro perinku,
 Nech položim svu hlavenku.
 Donesla mu tvrdý kamen'
 Ostavaj tu s panem Bohem
 Bojanovske zvony zvoňá,
 Ulianku drabi hoňá.
 Ty Mutenske zezvanaju,
 Ulianku dohaňaju
 A Hodonske dozvonily,
 Ulianku dohonili.
 Janička na krchnv nesl,
 Ulianku kati vezu.
 Zazdite mja do kamen'
 Nech o mne pesničky neni.
 Zednici ju zazdivali
 Panuy pesničku skladaly.
 Ulianku už zazdili
 Panny pesničku složily.

Sušil, Morál. narod. písně, II, 167 —

168.

Въ вариантахъ ничтожныя особенности. Вездѣ братъ жалуется, что у него заболѣло сердце. Способъ приготовления яда не сложный.

№ 37. Въ сербской пѣснѣ: „Сунце сађе међу две планине“; парубокъ лежитъ между двумя дѣвицами; одну любить, другую не любить.

Аи' говори лепота девојка:
 „Љуб' и мене, момче нсжењено!
 Пљџ говори момче нежењено:
 „Љубно б'те, лепото довојко!
 Али не смем од брата твојета:
 У тебе је братац кавгација¹⁾,
 Кудгод иде, онъ замеће кавгу²⁾.
 Кад то чула лепота девојка,
 Она иде у гору зелену,
 Те премеће дрвље и камење.
 Док је нашла гују³⁾ отравницу.
 Заклала је злаћевим прстеном,
 Уточила по кондира³⁾ једа,

¹⁾ Спорщикъ, кавга—споръ, ссора.

²⁾ Гуја—зѣмля.

³⁾ Кондиръ—чума.

Оно друго вином доточила,
 Па га дала свом брату рођењем,
 Те је свого брата отровала;
 Па отиде момку нежењено;
 „Љуби мене, момче нежењено,
 Ја сам мого брата отровала.“
 Аи' говори момче нежењено:
 „Ид' одатле, једна отровнице!
 Кад си свога брата отровала,
 Отрова ђеш и мене јунака (Караџић, Срп. нар.
 пјесме I, 215 № 302).

№ 38. Въ сборникѣ сербскихъ народныхъ пѣсень *Райковица* подъ № 251 (стр. 221) находится краткій вариантъ „Шокица“: начало обычное у сербовъ (сунце дало међу горицата). Молодецъ Јово предлагаетъ дѣвушкѣ отравить брата; дѣвица говорить, что она попроситъ вилу собрать ядовитаго зѣлля:

Ја ђу ређи погорки би вили
 Да сабере од отрова биља,
 Па ђу свога брата отровати—
 —Курво, кучко, бијела Шокице..
 Кад би свога брата отровала
 И мене би млађака јунака.

Отравленіе не происходитъ. Пѣсня очень краткая и, несомнѣнно, выродилась изъ пѣсень съ отравленіемъ.

№ 39. Въ сборникѣ *Мажуранича* „Hrvatske narodne pjesme“ I, стр. 152: „Солнце между горами, Юро между дѣвицами“ и пр.—сходно съ сербскими. Въ половину сосуда налить змѣиный ядъ; долить виномъ. Братъ возвращается съ охоты. „Junak rije na zemlji se sruši“. Юро отвергаетъ отравительницу:

Odi z Bogom mlajahna divojko,
 Kad si svoga brata otrovala,
 Kormo l'nebiš tudjega junaka.

Сербскіе варианты, сравнительно съ моравскими, польскими и малорусскими, отличаются краткостью.

№ 40. Въ болгарской пѣснѣ—передаю ее въ переводѣ—Стоянъ склоняетъ красавицу Бояну къ уходу; но братъ не даетъ ее. Стоянъ советуетъ Боянѣ отравить брата. „Я отравила бы, отвѣчаетъ Бояна, но нечѣмъ“. Пойди въ глухое мѣ-

сто (*осой*), возьми двѣ змѣи, свяжи ихъ зеленымъ снуркомъ (гайтаномъ, собств. кантомъ) и повѣсь на зеленый яворъ: Яворъ будетъ цвѣсти, а ядъ капать. Нацѣди его въ чашку и дай брату напиться. Бояна такъ и поступила. Напился братъ яду (люта ракіа), упалъ съ коня (отъ коня падна) и ударился объ остріе сабли (*Миладиновѣ* Бѣлг. нар. пѣс. 363—364).

№ 41. Въ другой болгарской пѣснѣ, неизданной въ печати, мотивъ о сестрѣ отравительницѣ получилъ такую своеобразную обработку: Турокъ хочетъ увести дѣвицу: отецъ и мать ея согласны: братъ не согласенъ. Турокъ предлагаетъ отравить брата змѣинымъ ядомъ. По ошибкѣ дѣвица поднесла ядъ своему любовнику и горько о томъ сожалѣетъ.

№ 42. Въ сборникѣ македонскихъ болгарскихъ пѣсень *Верковица* (№ 317) родные мужа приготавливаютъ ядовитое кушанье изъ двухъ змѣй и отравляютъ молодую и прекрасную замужнюю женщину Стану.

№№ 43—44. Пѣсни о сестрѣ отравительницѣ извѣстны латышамъ и литовцамъ. Въ литовской пѣснѣ изъ Трокскаго уѣзда Виленской губ.: “Ой на горѣ на высокой Аленушка лень таскала. Генераль предлагаетъ А. уйти съ нимъ. А. говоритъ, что братъ не позволитъ. Генераль предлагаетъ отравить брата. А. говоритъ, что у ней нѣтъ такого зѣлья. Генераль совѣтуетъ сорвать въ саду ядовитую траву, сварить ее съ чаемъ, слить въ стаканъ и отнести въ свѣтлицу. Братъ умеръ. Генераль побоялся жениться на отравительницѣ. Пѣсня оканчивается словами сестры: “нужно и мнѣ теперь нищенствовать и за братца молиться”. (*Перетигъ* въ Кіев. Стар. 1892, VI, 466). Въ близкомъ литовскомъ варіантѣ братъ возвращается съ охоты; приготовленіе отравы буквально сходное. Упавъ съ коня, братъ проситъ сестру приготовить ему постельку; генераль отказывается отъ женитьбы, и отравительница рада выйти и за нищаго (*Kolberg*, въ *Zbiór wiadomości* III 208—209). Последняя подробность о нищенствѣ отвѣчаетъ тѣмъ малорусскимъ варіантамъ, гдѣ отравительница идетъ замужъ за нищаго. По описанію приготовленія яда, эта литовская пѣсня представляетъ очень близкій, мѣстами дословный варіантъ галицко-русской пѣсни № 9.

№ 45 Въ албанской пѣснѣ мужчина подговариваетъ дѣвуху извлечь изъ головы змѣи ядъ и въ смѣси съ виномъ отравить брата.

№ 46. Въ румынской пѣснѣ свекруха приказываетъ повару сварить три змѣиныхъ головы и отравить невѣстку; существуютъ сходныя новогреческія и италіанскія пѣсни (*Child* I. 156).

№ 47. Пѣсни о сестрѣ, отравившей брата, распространены и среди мадьяръ. Братъ носить имя Ивана. Отравительницей является не родная сестра, а золовка. Мать спрашиваетъ, гдѣ онъ былъ? О.—у золовки! В. Что ѣлъ? О.—Пятнистую жабу (въ вар. рака). Умиравшій (Иванъ) оставляетъ матери горе, братьямъ быковъ и лошадей, сестрамъ домашнія вещи, золовкѣ—вѣчное проклятіе (*Child* I 154, II 499).

№№ 48—50. Въ нѣмецкихъ пѣсняхъ о „Schlangenköchin“ сынъ (Генрихъ) на вопросы матери отвѣчаетъ, что онъ былъ у своей любовницы, ѣлъ пеструю рыбу (=змѣю), остатки которой далъ собакѣ, и собака издохла. Умирая, Генрихъ желаетъ своимъ родителямъ всего хорошаго, а отравительницѣ адскія мученія. Въ одномъ нѣмецкомъ вар. мать спрашиваетъ у сына, гдѣ постлать ему постель и получаетъ, отвѣтъ: на кладбищѣ. Въ вариантахъ отравительницей является бабушка или тетка. Подобнаго рода пѣсни записаны въ Швеціи и Даніи. Отравительницей является въ нихъ мачиха или тетка, жертвой—дѣвуха. Въ концѣ пѣсенъ обычныя благопожеланія роднымъ и проклятіе отравительницѣ (*Child* I 152—154).

№ 51. Сербо-лужицкая пѣсня объ отравленіи молодаго чловѣка въ сборникѣ Гаупта и Шмалера (I, 110) представляетъ передѣлку германскихъ пѣсенъ и сходна съ ними даже въ мелочахъ.

№ 52. Уже въ концѣ XVIII в. въ Англіи были распространены баллады объ отравленіи брата. Около 20 вариантовъ издано въ послѣднее время въ превосходномъ сборникѣ Чайльда. Въ одномъ изъ лучшихъ вариантовъ фигурируетъ лордъ Рандаль и по его имени названы другія англійскія и шотландскія баллады этого рода. Всѣ баллады изложены въ діалогической

формѣ. Гдѣ ты былъ, мой сынъ?—спрашиваетъ мать. О. Въ лѣсу зеленомъ. В. Кого тамъ встрѣтилъ? О. Любовницу мою. В. Что она дала тебѣ? О. Зажаренную змѣю. В. Кому бросилъ остатки? О. Моимъ собакамъ. В. Что съ ними сдѣлалось? Поздыхали. Мать: Ты отравленъ, мой сынъ. Сынъ: Сердце болитъ. Далѣе идутъ вопросы матери, что сынъ завѣщаетъ своимъ роднымъ, и отвѣты, что онъ оставляетъ братьямъ и сестрамъ коней, быковъ, родителямъ горе и бѣдность, своей возлюбленной адскій огонь. Всѣ англійскіе и шотландскіе варианты начинаются съ вопроса матери:

O where have you been, Lord Ronald, my son?... т. е. гдѣ ты былъ, мой сынъ (ими рекъ), далѣе съ повтореніемъ, гдѣ ты былъ мой красавчикъ? и затѣмъ слѣдуютъ отвѣты сына (*Child* 157—166, II 498, IV 498, VI 499 и VIII 449).

№ № 53—54. Существуетъ много италіанскихъ вариантовъ разбираемой пѣсни, причемъ древнѣйшіе слѣды ихъ восходятъ къ 1629 и 1656 годамъ. Мать спрашиваетъ сына, гдѣ онъ былъ? Онъ былъ у милой, отравленъ угремъ (змѣей), посылаетъ за врачомъ, умирая, оставляетъ матери дворецъ, братьямъ лошадей, сестрамъ приданное, любовницѣ висѣлицу (*Child* I 153). Встрѣчаются буквальные совпаденія съ малорусскими пѣснями, напр. „el mio cuor sta mal“, „e la n'a dato m'anguila zostita“... Въ нѣкоторыхъ вариантахъ жена добываетъ изъ змѣи ядъ и пытается отравить мужа, по возвращеніи его съ охоты; но мужъ заставляетъ ее выпить отраву. Между нѣкоторыми италіанскими и галицко-русскими пѣснями обнаруживается замѣчательное, совпаденіе, на примѣръ:

Dove si stà jersira.

Xiglinol mio caro, fiorito e gentil?

Dove si stà jersir?

Son stà dalla mia dama;

Signora Mama, mio core sta mal ¹⁾ (*Child* I 153).

Съ этимъ началомъ италіанской пѣсни совпадаетъ слѣд.:

Сыну Васильку, жалости мой,

Ой ны ходивъ ты къ вдовѣ на вечерниці,

¹⁾ Буквальный переводъ: Гдѣ ты былъ вчера вечеромъ, мой милый дорогой сынъ? Гдѣ ты былъ вчера вечеромъ? Я былъ у моей дамы, матушка, и мое сердце, болитъ....

Хсдывъ я, нешько, щире серденько. (Голоз. II 584)

.....
Братъ ся пива напивае

За сердце ся истискае (Голоз. I 207).

Италянскія пѣсни этого рода называются *L' Avvelenato*, т. е. отравленный. Любопытно совпаденіе по діалогической формѣ и по содержанію, доходящее до мелочей, напр. *jersira* (вчера вечеромъ) вполне отвѣчаетъ лалорусскимъ вечерницамъ.

Вообще, италянскіе варианты имѣютъ замѣчательно большое сходство съ славянскими, напр., слѣдующій (*Donna Lombarda*) изъ Пиемонта, напечатанный въ "*Canti popolari del Piemonte*" (1888 г.) *Ниры* (передаю въ переводѣ на рус-языкъ). Полюби меня, милая ломбардка; "какъ мнѣ любить тебя, когда у меня мужъ"; отрави мужа; "укажи, какъ это сдѣлать".—Въ саду за домомъ есть змѣя, поймай ее, столчи и брось въ окно; когда мужъ возвратится съ охоты, дай ему вина. "Отчего, милая ломбардка, такое мутное вино?" (спрашиваетъ мужъ).—Вѣтеръ съ моря его помутилъ. Далѣе мужъ заставляетъ ее выпить вино, угрожая мечомъ. За первымъ глоткомъ у ломбардки измѣнился цвѣтъ лица, за вторымъ она позвала священника, а за третьимъ могильщика. Этотъ италянскій вариантъ почти буквально совпадаетъ съ галицко-русскимъ подъ № 11.

Сравненіе вариантовъ, западно-европейскихъ и славянскихъ, показываетъ, что мы имѣемъ дѣло съ одной пѣснью. Сходство вариантовъ настолько велико, что не представляется достаточнаго основанія для постановки теоріи о версіяхъ пѣсни. Можно намѣтить только такія особенности: въ западно-европейскихъ вариантахъ болѣе выдержана діалогическая форма пѣсни, въ славянскихъ она выдержана лишь въ весьма немногихъ вариантахъ, сохранена еще кое-гдѣ въ началѣ пѣсенъ и совсѣмъ потеряна въ концѣ. Крупнѣе другая особенность: въ европейскихъ вариантахъ обычны пожеланія умирающаго и роздача роднымъ имущества, въ славянскихъ—нѣтъ ни пожеланій, ни просьбъ, ни завѣщаній, если не считать проскальзывающей въ нѣкоторыхъ вариантахъ просьбы умирающаго позаботиться о его дѣтяхъ.

Обратимся къ болѣе детальному обзору мотивовъ пѣсни о сестрѣ отравительницѣ.

Относительно запѣва нужно сказать, что въ славянскихъ вариантахъ нѣтъ опредѣленнаго запѣва, а въ западно-европейскихъ установившимся приѣмомъ начала пѣсенъ этого рода оказывается обращенный къ сыну вопросъ матери, гдѣ онъ былъ. Изъ славянскихъ вариантовъ сходство по запѣву обнаруживается лишь въ сербскихъ (молодецъ между двумя дѣвцами) и отчасти великорусскихъ (струганье стружекъ, какъ символъ любви, на основѣ матеріальнаго характера)

Славянскіе варианты начинаются съ того мотива, что дѣвица проситъ мужчину жениться на ней. Мѣсто дѣйствія первой ихъ встрѣчи—криницы въ полѣ, поле, лугъ, берегъ рѣки (Дунай въ № 21), во многихъ вариантахъ совсѣмъ не обозначается.

Соблазнитель въ малорусскихъ пѣсняхъ сербъ, армянинъ, вообще чужестранецъ или инородецъ; въ моравскихъ—гусары, вообще сторонніе люди; въ болгарскихъ и польскихъ также замѣтно такое обособленіе (турокъ № 41, подолянецъ №№ 33—34).

Отравительницей является въ западно-европейскихъ вариантахъ большею частью любовница, въ славянскихъ сестра; жертвой—любовникъ или братъ. Въ древнѣйшемъ италіанскомъ вариантѣ дѣвушка отравляетъ своего возлюбленнаго. Въ малорусскихъ, великор. и бѣлор. вариантахъ собственныя имена встрѣчаются рѣдко; въ галицко-русскихъ отравительница названа Параской, а жертва Ианомъ. Последнее имя усвоено моравскими и мадьярскими пѣснями. Въ западно-европейскихъ пѣсняхъ личныя имена обычны (Генрихъ, лордъ Рандаль, Тиранти).

Въ малор. вар. (№№ 16—19) обнаруживается тенденція вину преступленія перенести на мать дѣвушки; она дала яду.

Въ отраву въ громадномъ большинствѣ западно-европейскихъ и славянскихъ вариантовъ идетъ змѣя, иногда двѣ или три змѣи; въ одномъ галиц.-рус. съ добавленіемъ ящерицы; въ многихъ вариантахъ змѣя прямо не названа, а лишь подразумѣвается подъ „пестрой рыбой“; изрѣдка она замѣнена

жабой (мадьярскій вариантъ), иногда (вар. малор., англ.) упоминается отравя, безъ указанія, изъ чего она составлена. Въ одномъ малорусскомъ вариантѣ (№ 3) у змѣи болитъ голова, что отвѣчаетъ народному повѣрью, будто у змѣй всегда болитъ голова, вѣроятно, отъ присутствія въ ней яда. Въ нѣкоторыхъ вариантахъ (№ 26 и др.) сила яда характеризуется тѣмъ, что отъ капли загорается у коня грива.

Повѣрье о возможности отравленія змѣинымъ ядомъ раздѣляютъ многіе народы. Въ русской сказкѣ, записанной въ Терской области, колдунья даетъ такой совѣтъ: „пусть царица испечетъ хлѣбъ на змѣиномъ салѣ и дастъ его сыну: какъ только онъ съѣстъ его, такъ его и разорветъ на нѣсколько частей“ (*Сборн. матер. для изуч. Кавказа VII, 144*). Это повѣрье прочно держалось въ древней Россіи. Такъ, лѣтописецъ по поводу эпидеміи 1286 г. говоритъ слѣдующее: „Татаре многа зла сотвориша Русской землѣ, а же не мечемъ и не огнемъ, понеже Русь помогаху имъ, но чарами своими: иземше бо сердце человѣческое мочаху въ ядъ аспидномъ и полагаху въ водахъ и отъ сего воды вси въ ядъ обратихася и аще кто отъ нихъ пияше, абіе умираше, и отъ сего великій моръ бысть по всей Русской землѣ“! Въ кабардинской сказкѣ про Пшибадиноко всѣ нарти съ богатыремъ Сосруко во главѣ совѣщаются, какъ погубить Пшебудиноко: они налили въ чашу бѣлаго сани (вина?) и опустили туда три ядовитыхъ змѣй (*Сборн. матер. для изуч. Кавказа XII, 34*).

Весьма интересна одна подробность въ малор. (№№ 1—2) и болгар. (40) вар.: змѣю вѣшаютъ на дерево, чтобы ядъ стекалъ въ поставленный внизу сосудъ. У Лопарей существуетъ обычай вѣшать убитыхъ змѣй на дерево (*Харузинъ 206*). Въ дѣтствѣ я живалъ въ Малороссіи, въ мѣстности очень низменной и обильной змѣями. Припоминаю, что деревенскіе ребята за лѣто убивали много змѣй и почему-то вѣшали ихъ на деревѣ лентами. Случайная ли это игра дѣтей, или она вызвана какимъ-нибудь повѣрьемъ, отвѣчаетъ лопарскому обычаю и, быть можетъ, стоитъ въ связи съ разобраннымъ пѣсеннымъ мотивомъ—судить не берусь.

Въ нѣкоторыхъ варіантахъ обозначена посуда, въ малор. (1—2) коновочка, въ сербскихъ (37) кондирь (т. е. чаша или бокаль), большею частью склянка (10, 30, 43).

Приготовленіе яда въ иныхъ пѣсняхъ обойдено молчаніемъ, въ другихъ объяснено: простое извлеченіе изъ змѣиной головы (1—2), настой на хододной водѣ и пр. (9, 11). Тенденція въ объясненію приготовленія яда обнаруживается почти исключительно въ малорусскихъ пѣсняхъ.

Ядъ большею частью смѣшивается съ другимъ напиткомъ, чаще всего съ пивомъ (1—2, 7, 24), изрѣдка виномъ (30, 33), медомъ (23) или преподносится въ пирогахъ (11).

Братъ возвращается обыкновенно съ охоты (7, 34, 44, 53, 54), иногда съ дороги (1), чаще всего безъ обозначенія. Такъ какъ возвращеніе съ охоты встрѣчается въ пѣсняхъ разныхъ народовъ (малоруссовъ, поляковъ, латышей, италіанцевъ), то эту подробность нужно признать одной изъ наиболѣе древнихъ.

Въ одномъ малорусскомъ вар. (16) обнаруживается сначала любовная приворожба и потомъ слѣдуетъ отравленіе—очевидная амплификація, плохо мотивированная.

Дѣйствіе яда обнаруживается въ томъ, что братъ падаетъ съ коня (1, 33, 39, 40, 44), жалуется на боль въ сердцѣ (21, 36, 62, 53), измѣняется въ лицѣ (11, 36, 54).

Въ одномъ малорусскомъ варіантѣ (22) встрѣчается описательное выраженіе „никогда“, взятое изъ другихъ пѣсенъ, вѣроятно, изъ цикла пѣсенъ о смерти солдата (см. мою ст. въ Этнограф. Обзор. 1893, II).

Умирающій въ западно-европейскихъ варіантахъ высказываетъ послѣднюю свою волю; въ малорусскихъ удержалось (въ № 9) пожеланіе для отравительницы висѣлицы. Такое пожеланіе встрѣчается въ италіанскихъ и англійскихъ вар. Въ нѣмецкихъ, англійскихъ, шведскихъ и датскихъ для отравительницы оставлены адскія мученія.

Въ одномъ болгарскомъ вар. дѣвушка по ошибкѣ подноситъ ядъ любовнику (41).

Въ польской пѣснѣ (33) преступность сестры усилена той чертой, что братъ привезъ ей подарки.

Въ англійскихъ, германскихъ (и отрасли ихъ сербо-лужицкомъ) вар. умирающій проситъ мать постлатъ ему постель. Въ славянскихъ пѣсняхъ этотъ мотивъ встрѣчается изрѣдка (въ моравскихъ). Обращеніе умирающаго къ матери довольно обычно въ малорусскихъ пѣсняхъ (23).

Въ малор. вар. при смерти брата присутствуютъ односельчане (20)—оригинальная черта.

Отравительница въ немногихъ пѣсняхъ (10, 33) обнаруживаетъ раскаяніе.

Почти во всѣхъ вариантахъ соблазнитель отказывается отъ женитьбы на отравительницѣ.

Отравительница выходитъ замужъ за нищаго въ малор. и латышскихъ пѣсняхъ (3, 4, 5, 24, 43, 44), въ послѣднихъ, вѣроятно, въ зависимости отъ малорусскихъ.

Казнь отравительницы встрѣчается въ славянскихъ и западно-европейскихъ пѣсняхъ (9, 26, 33, 36, 53, 54): ее садятъ въ тюрьму, вѣшаютъ; братъ обезглавливаетъ ее (26) или только грозитъ казнью (53); сожигаютъ (10, 26).

Умершаго брата хоронятъ со звономъ въ нѣкоторыхъ польскихъ и моравскихъ вариантахъ (33, 36).

Есть намеки (напр. въ № 9) на пѣсни, сложенные о сестрѣ отравительницѣ.

Пѣсни объ отравленіи змѣинымъ ядомъ издавна были популярны въ Европѣ. Онѣ легко переходили отъ одного народа къ другому. Пути ихъ движенія и распространенія переплетались, и опредѣлить ихъ въ настоящее время весьма затруднительно. Пѣсня первоначально возникла гдѣ-то въ западной Европѣ, быть можетъ, въ Италіи, гдѣ она циркулировала уже въ началѣ XVII в. Въ Малороссію пѣсни этого рода проникли, повидимому, разными путями и въ разное время. Самый интересный галицко-русскій вариантъ (№ 25) несомнѣнно идетъ прямо съ запада; онъ стоитъ въ ближайшемъ родствѣ съ мадьярскими, нѣмецкими и италіанскими пѣснями этого рода. Сходство простирается даже на мелочи. Другой любопытный галицко-русскій вариантъ (№ 9) стоитъ въ близкомъ родствѣ съ польскимъ (33) и моравскимъ (36). Третій галицко-русскій ва-

ріантъ (№ 11) вмѣстѣ съ моравскимъ (36) прямо примыкаетъ къ италіанскому (54). Въ виду того, что во многихъ малорусскихъ варіантахъ упоминается сербинъ, можно думать о посредствующемъ значеніи для нѣкоторыхъ малорусскихъ пѣсенъ сербскихъ варіантовъ, хотя въ извѣстныхъ въ печати сербскихъ пѣсняхъ этого рода не обнаруживается большого сходства съ малорусскими. Возможно, что „сербинъ“ попалъ случайно въ значеніи чужеземца вообще. Изъ Малороссіи пѣсни о сестрѣ-отравительницѣ легко могли проникнуть въ Великороссію, гдѣ къ нимъ приросъ новый запѣвъ, въ Бѣлоруссію, въ Литву. Великорусскія обработки въ искаженіи могли возвращаться въ Малороссію, и такимъ выродкомъ можно считать харьковскій варіантъ (№ 21). Въ малорусскихъ варіантахъ (№ 1—2) можно усмотрѣть вліяніе болгарскаго (40), по большому сходству полученія яда. Главный токъ шелъ, повидимому, съ запада чрезъ Чехію и Моравіюкъ южнымъ и восточнымъ славянамъ.

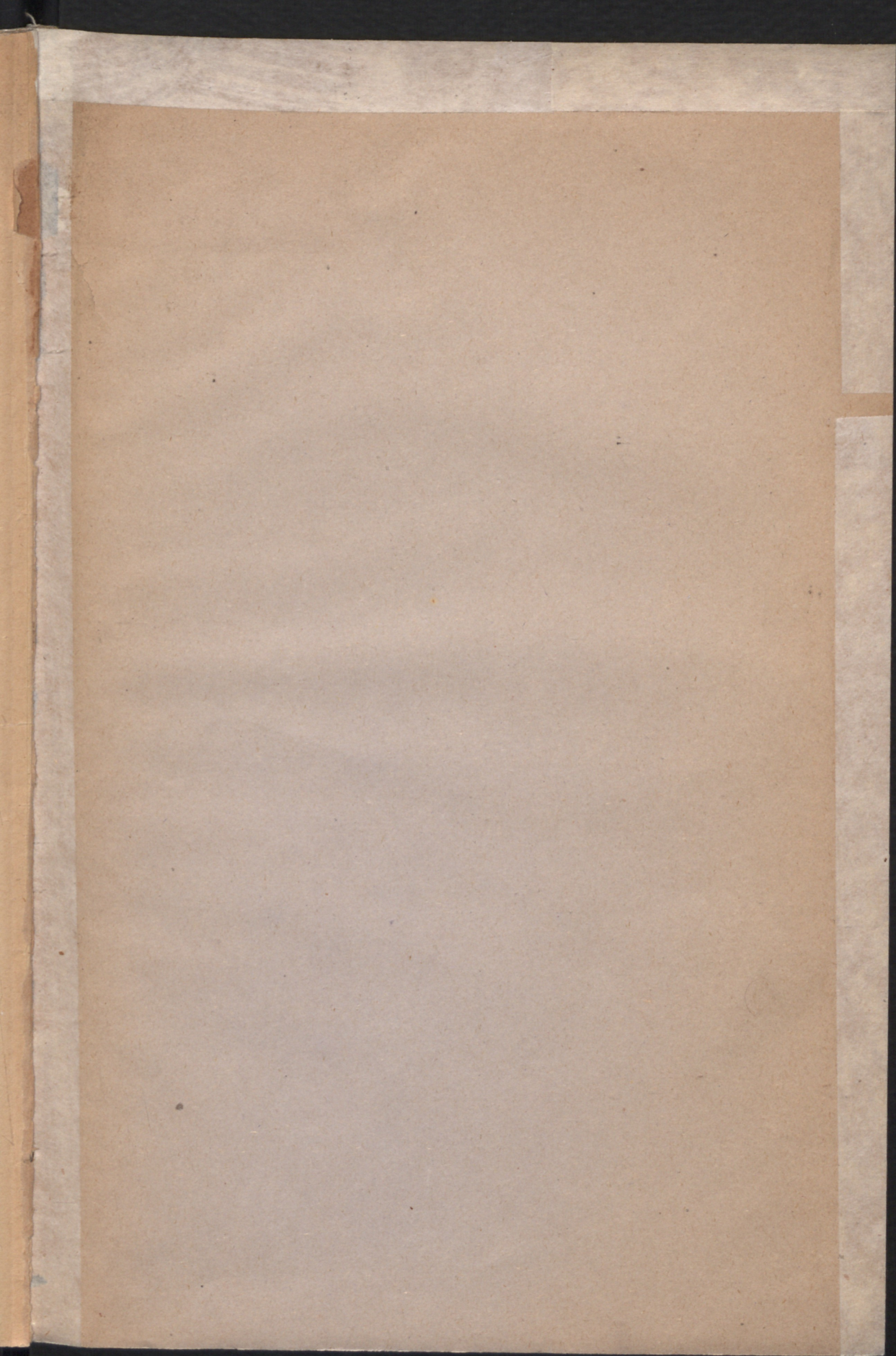
Вопросъ о происхожденіи цикла пѣсенъ объ отравленіи брата сестрой—вопросъ темный. Можетъ быть, мы подойдемъ къ его разрѣшенію, если пріймемъ во вниманіе, что въ сказкахъ разныхъ народовъ, сказкахъ весьма распространенныхъ, извѣстныхъ уже съ давняго времени, встрѣчается попытка матери отравить сына. Мать влюбляется въ великана, чудовище, чародѣя или просто сосѣдняго царя, убиваетъ мужа и хочетъ извести своего сына, который оказывается обыкновенно богатыремъ и мститъ потомъ матери и ея любовнику. Изъ сказокъ тотъ мотивъ проникъ въ повѣсти, напр., въ сѣверо-французскій романъ о Бовѣ Королевичѣ и его многочисленныя италіанскія передѣлки (*Веселовскій*, въ *Ист. литер.* Галахова, 453), равно какъ и въ русскіе переводы. Въ старинномъ русскомъ переводѣ „прекрасная королева Милитриса, вшедъ въ королевскія палаты, начала мѣсить два хлѣбца своими руками на змѣиномъ салѣ въ пшеничномъ тѣстѣ“. Она послала эти хлѣбцы съ дѣвкой Бовѣ въ темницу; но дѣвушка пожалѣла Бову, бросила хлѣбы собакамъ; „и сколь скоро выглядецы хлѣбцы стѣли и скоряя того ихъ разорвало по макову зерну (*Памятн. древн.*

писъм. 1879 I, 58). Припомнимъ, что въ нѣкоторыхъ славянскихъ вариантахъ братъ бросаетъ хлѣбъ собакамъ, которыя издыхаютъ. Извѣстно, что пѣсни жили въ тѣсномъ общеніи со сказками. Легко могло случиться, что сказочный или даже повѣствовательный мотивъ о матери отравительницѣ въ XIV или XV вѣкѣ получилъ въ западной Европѣ во Франціи и въ Италіи пѣсенную обработку съ замѣной сына и матери братомъ и сестрой. Этотъ мотивъ могъ распространяться въ устной словесности европейскихъ народовъ параллельно съ распространеніемъ сказки о Бовѣ Королевичѣ.

Н. О. Сумцовъ.

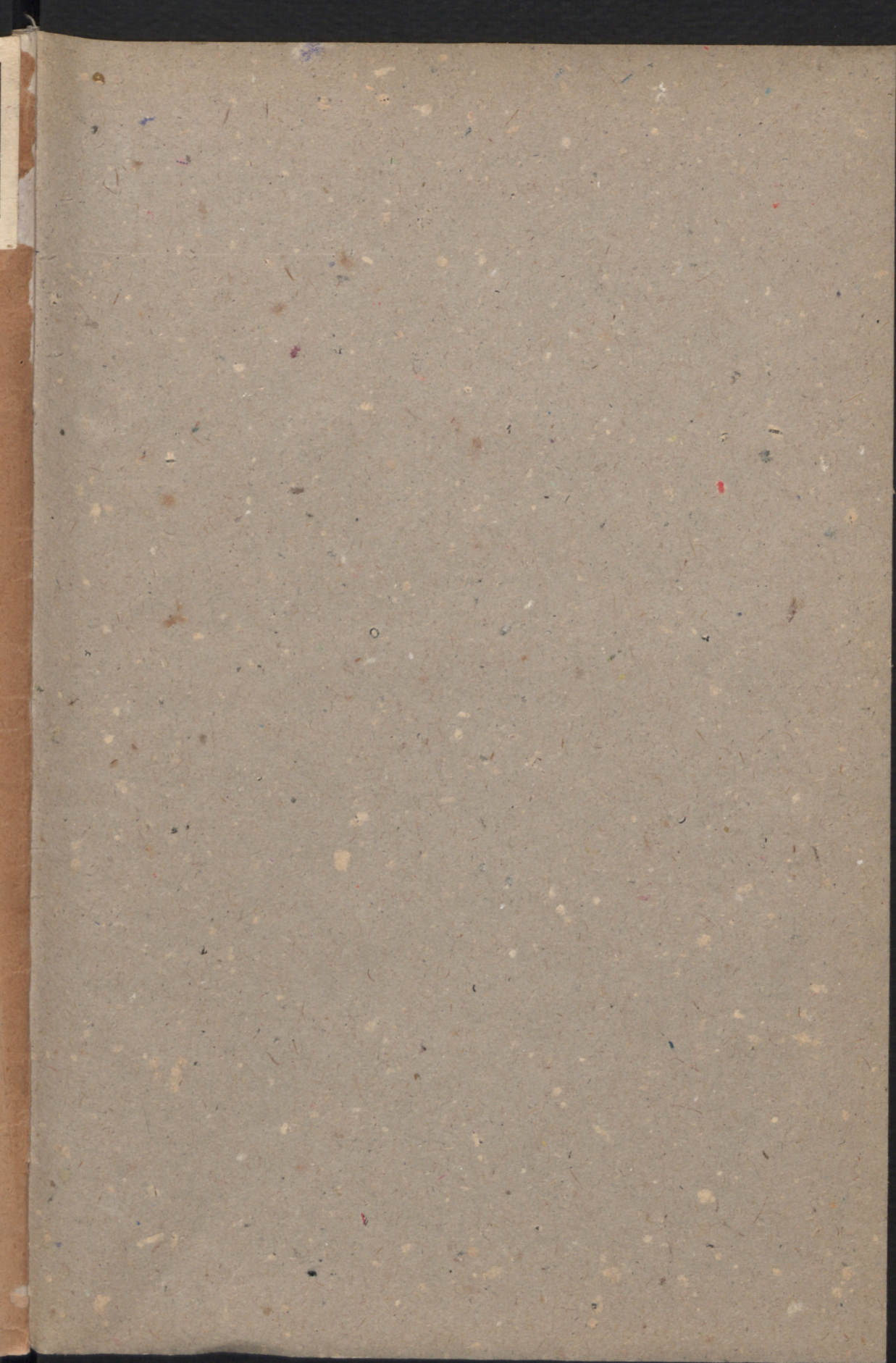

Biblioteka im. Hieronima
Łopacińskiego w Lublinie

327 428

5,-

Biblioteka im. Hieronima
Łopacińskiego w Lublinie

II 327428

1000086596